

ВЕДЬМА ПО РАСПИСАНИЮ

Светлана Слепцова

III генерация

S-1

Светлана Слепцова

ВЕДЬМА ПО РАСПИСАНИЮ

<https://litres.ru/73988166>

SelfPub; 2026

Аннотация

Легко ли быть ведьмой в провинциальном Криволучье? Легко! Если у тебя есть диплом, пилочка для ногтей и верный бумажный ежедневник. Лицензированная ведьма Магда твёрдо верит: даже самую буйную магию можно укротить строгим тайм-менеджментом.

Но майское расписание летит к чертям, когда в дело вмешивается местный хаос! Теперь Магде предстоит разгонять пространственный туман со вкусом чеддера, дрейфовать на избушке, отбиваться от проверок сурового столичного инспектора в пижаме в горошек и спастись от министерской столовой своего наглого фамильяра - гуся Степана, требующего признания его поэтического гения.

Успеет ли ведьма вернуть украденный час, переспорить ретроградный Меркурий и закрыть все дедлайны до полуночи? 12 убойных бак об абсурде взрослой жизни и капризных чудесах.

Внимание! Книга публикуется в формате черновика. Обложка сгенерирована ИИ Gemini.

Содержание

ГЛАВА 1. ПОЧЕМУ НЕ СТОИТ ВЫЗЫВАТЬ ДОЖДЬ В ЧЕТВЕРГ	4
Глава 1. Продолжение	10
ГЛАВА 2. ПРОКЛЯТИЕ СИНЕГО ПОНЕДЕЛЬНИКА	22
ГЛАВА 3. НАШЕСТВИЕ ВЛЮБЛЁННЫХ БОРОД	30
ГЛАВА 4. ВЕДЬМИНСКИЙ АУДИТ, ИЛИ КАК НЕ СОЙТИ С УМА ВО ВТОРНИК	43
ГЛАВА 5. КУЛИНАРНЫЙ ПОЕДИНОК НА ВЫЖИВАНИЕ	54
ГЛАВА 6. КАК ПОЙМАТЬ СБЕЖАВШУЮ ИЗБУШКУ	63
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Светлана Слепцова

ВЕДЬМА ПО РАСПИСАНИЮ

ГЛАВА 1. ПОЧЕМУ НЕ СТОИТ ВЫЗЫВАТЬ ДОЖДЬ В ЧЕТВЕРГ

– Слушайте сюда, ребяташки. Если вам когда-нибудь скажут, что работа ведьмы – это сплошные полёты на метле под луной и загадочные улыбки, плюньте этому сказочнику в левый глаз. Работа ведьмы – это чистой воды логистика. У нас тут вечный конфликт интересов и накладки по таймингу!

Часть 1. Караси, штрафы и ночной визитер

Магда сидела на крыльце своей избушки и яростно листала ежедневник в кожаном переплёте.

– Вот именно! Какая, к лешему, магия? Тут чистый кризис-менеджмент! – Она с силой хлопнула ладонью по странице, отчего из книги вылетел сушёный лист четырёхлистного клевера, явно не сработавший на удачу.

– Так, Степан, у нас ЧП. Староста Криволучья оплатил «Лёгкий грибной дождик» на четверг. А баба Нюра с окраи-

ны занесла три десятка яиц за «Сухую погоду для сушки белья» на то же самое время. И как мне разорваться? Локальное геотаргетирование погоды с точностью до забора у меня ещё в бета-тесте – вышка полетит от такой нагрузки!

Магда со стоном закинула голову, и остроконечная шляпа окончательно сползла на затылок.

– Если я включаю дождь над Криволучьем, у бабы Нюры простыни обвиснут мокрыми тряпками. Это репутационный ущерб и возврат тридцати яиц. Если держу сушь – староста выставит неустойку за засуху в грибных угодьях. Придётся сдвигать слоты...

Из-за куста малины высунулась белая длинная шея. Гусь Степан прищурил один глаз и грозно шлёпнул перепончатой лапой по луже.

– Га-а! – авторитетно заявил он. – Яичницу мы уже съели, так что баба Нюра в приоритете, её КРІ мы закрыли. А старосте скажи, что у маны случился технический перерыв. Мол, плановые работы на сервере, повышение тарифов, ретроградный Меркурий, все дела.

– Точно, перенесём сессию на вечер, – пробормотала Магда, хватаясь за перо. – А бабе Нюре выдадим промокод на бесплатный приворотный порошок для коров, иначе мы этот кассовый разрыв не...

Договорить она не успела. Совместить несовместимое и экстренно разрулить овербукинг Магде пришлось прямо сейчас, потому что ровно в 12:00 на горизонте показалась

идеальная, отутюженная мантия инспектора Люция. Он шёл со стороны леса, зловеще сверкая начищенными пуговицами, а в руках у него был... кожаный планшет с бланками штрафов. Внеплановый аудит.

Магда едва успела спрятать ежедневник под мышку, как инспектор Люций уже стоял у калитки. Он поправил очки в тонкой оправе и неодобрительно посмотрел на гуся Степана, который как раз пытался незаметно развязать шнурки на инспекторских ботинках.

– Госпожа Маргарита, – сухо произнёс Люций, разворачивая свиток. – На вас поступила жалоба от Комитета по охране природы. Вы вчера вызывали туман над речкой?

– Вызывала, – честно призналась Магда. – По прейскуранту. Романтический, плотность три балла по шкале Есенина.

– Так вот, из-за вашего тумана местный водяной промахнулся мимо своей коряги, врезался в мост и теперь требует компенсацию за моральный ущерб и синяк на левом плавнике. С вас три серебряных монеты штрафа.

Степан зашипел и вытянул шею, готовый пойти в атаку на государственное имущество, но Магда вовремя прижала гуся ногой к крыльцу.

– Ладно, пишите свой штраф, – вздохнула ведьма. – Но учтите, сейчас ровно полдень, и у меня по расписанию...

Она не успела договорить. В небе над Криволучьем что-то громко хлопнуло. Знаете этот звук, когда взрывается перезревший арбуз? Вот точно так же, только на всю округу.

Магда в ужасе схватилась за голову. Заклинания бабы Нюры и старосты, оставленные без присмотра в зачарованном котле, среагировали друг на друга. Вместо аккуратного грибного дождика над огородами нависла фиолетовая туча. Из неё с тихим шлепаньем на крыши домов посыпалось... вяленое потрошёное чучело карася. Потом ещё одно. И ещё. Через минуту в Криволучье шёл плотный, уверенный дождь из сушёной рыбы.

– Это... это не по регламенту! – заикаясь, выкрикнул Люций, прикрывая голову своим планшетом, от которого с весёлым стуком отскакивали караси.

– Га-а! – радостно завопил Степан, взмывая в воздух и ловя добычу на лету. – Обеденный перерыв! Хозяйка, пиво носи, закуска сама с неба падает!

Кое-как утихомирив карасёвый шторм – пришлось вылить в колодец три флакона зелья против икоты, чтобы туча просто растаяла – Магда без сил доползла до кровати. Инспектор Люций, временно контуженный летающей фауной, ушёл писать рапорт в трёх экземплярах, пообещав вернуться утром.

Ведьма закрыла глаза, мечтая поспать хотя бы до восьми. Но у магии, как известно, своё чувство юмора.

Бум. Бум. Бум.

Напольные часы в углу избушки пробили три часа ночи. Время, когда приличные ведьмы видят десятый сон, а неприличные – тихонько варят зелье от морщин. Вдруг в запертую

дверь избушки постучали. Не робко, а так... нагло. Слово стучали не пальцами, а копытом. Или чем-то костяным.

Магда чертыхнулась, накинула халат и, прихватив на всякий случай тяжёлую чугунную сковородку, пошла открывать. Степан шёл следом, грозно шурша перьями.

На пороге стоял парень. Ну, как парень... С виду лет девятнадцать, куртка кожаная, джинсы, кепка набок. Только сквозь джинсы сзади отчётливо пробивался длинный хвост с кисточкой, а из-под кепки торчали аккуратные аккуратные рожки. Мелкий чёрт-недоучка из соседнего оврага.

– Ты время видел, рогатый? – прошипела Магда, занося сковородку. – У меня приёмные часы с девяти!

– Тссс! Вельзевулом заклинаю, потише! – Парень испуганно оглянулся на лес. – Мне только спросить! Я по записи!

Он сунул Магде под нос обрывок пергамента. Это была страница из её собственного ежедневника на завтрашний день. Точнее, на сегодняшнюю ночь.

Прямо между «02:00 – Сон» и «07:00 – Подъём» чьей-то корявой лапой было втиснуто: **«03:00. Оживить прадеда. Срочно»**. А рядом стояла ведьминская печать. Настоящая.

– Откуда это у тебя? – нахмурилась Магда.

– На перекрёстке у цыган выиграл в кости, – честно признался чёрт. – Короче, дело такое. Прадед мой, старый чертила, помер три дня назад. И всё бы ничего, но он утащил с собой в могилу секрет, где зарыт сундук с золотыми царскими червонцами. Нам бы его... это... приподнять минут на

пять. Чисто адрес спросить. А то Комитет по налогам нас зажмёт!

Магда посмотрела на чёрта, потом на Степана. Гусь замер, его маленькие глазки-бусинки хищно блеснули при слове «золото».

– Закон о некромантии от тысяча четыреста второго года строго запрещает..., – начала было ведьма.

– Да брось ты свой закон! – гакнул Степан, дёргая ту за халат. – Инспектор Люций спит в трактире без задних ног, караси на крышах сохнут. Давай адрес, рогатый, мы в деле! Только чур, тридцать процентов золота – наши. Мне нужен новый таз для купания и мешок элитного овса!

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ...

Глава 1. Продолжение

Чёрта, как выяснилось, звали Толиком. Прадеда его, слава богу, поднимать из могилы не пришлось – Толик просто созвонился с ним через спиритическое блюдечко прямо на крыльце избушки. Старик с того света недовольно проскрипел, что золото зарыто в подвале трактира «Пьяный пиксель», ровно под комнатой номер четыре.

А кто у нас занял комнату номер четыре?

Правильно. Инспектор Магического Комитета Люций, который перед сном выпил ромашкового чаю, запер дверь на три заклинания и лёг спать в обнимку со сводом законов.

– Значит так, – шептала Магда, пробираясь по тёмному переулку Криволучья. На ней были чёрные лосины и тёмная куртка, а на голове вместо ведьминской шляпы – лыжная шапочка. – Заходим через чёрный ход. Толик, ты караулишь у бочек с элем. Степан... Степан, ты куда поёр?!

Гусь, обмотавший лапы старыми тряпками для бесшумности, уверенно шёл впереди, напоминая шпиона из дешёвого боевика.

– Га, – тихо, но веско отозвался фамильяр. – Я иду на склад за сушёной воблой. Совместим приятное с криминальным.

Через три минуты ведьма Магда, гусь Степан и один хвостатый чёрт стояли в подвале трактира. Пахло сыростью,

квашеной капустой и старым деревом. Толик достал из кармана компас, который вместо севера показывал на ближайшие драгоценности – стрелка в виде маленького копыта бесено крутилась.

– Здесь! – прошептал Толик, указывая на земляной пол прямо под массивной дубовой балкой. – Прямо над нами кровать этого... в очках. Главное – не шуметь.

Магда достала волшебную палочку – точнее, старую палочку для ногтей, которую она заколдовала для мелких бытовых нужд.

– *Земля-землица, расступись как водица, только без брызг и шума, а то инспектор проснется и будет худо*, – пробормотала она заклинание собственного сочинения.

Земля послушно зашевелилась и начала расступаться, обнажая кованый угол старого сундука. И всё шло идеально! Ровно до тех пор, пока Степан, пытавшийся стащить с верхней полки связку сушёных карасей, тех самых, вчерашних, не зацепил крылом пустую двухведерную бочку из-под медухи.

БАМС! ТА-РА-РАХ! БУМ!

Бочка с грохотом покатила по каменным ступеням подвала, издавая звуки, достойные небольшого оркестра на параде.

Люций спал чутко. Ему как раз снился прекрасный сон, где он выписывает Магде сто пятидесятый штраф за превышение уровня магии в сыворотке, как вдруг пол под его кро-

вацию завибрировал.

Инспектор подскочил, путаясь в длинной ночной рубашке.

– Проверка! Внеплановая проверка! – спросонья закричал он, хватая со стола волшебную палочку-фонарик. – Кто нарушает комендантский час?!

Он выбежал в коридор, распахнул дверь, ведущую в подвал, и замер на верхней ступеньке.

В подвале картина была эпичной. Земляной пол разрыт. Чёрт Толик судорожно пытается запихать в карманы джинсов золотые червонцы размером с кулак. Гусь Степан сидит верхом на бочке с карасем в клюве. А Магда пытается наколдовать заклинание невидимости, но из-за паники у неё получается только иллюзия розового фламинго, который теперь растерянно топчется рядом с сундуком.

Люций медленно перевёл взгляд с золота на Магду, потом на фламинго, потом на чёрта.

– Госпожа... Маргарита? – его голос сорвался на фальцет. – Вы... вы совершаете незаконные археологические раскопки в компании нерегистрированного демонического меньшинства?! Без лицензии?! В три часа ночи?!

– Инспектор, это не то, что вы подумали! – крикнула Магда, хватая Толика за шкуру. – Это... это практическая магия по расписанию! У нас по плану – утилизация старого металла!

– Га-а-а! – закричал Степан, понимая, что дипломатия

провалилась.

Гусь самоотверженно бросился вперёд, взмахнул крыльями и залепил инспектору Люцию сушёным карасем прямо по лицу. Инспектор закричал, потерял равновесие и кубарем покотился назад в коридор, запутавшись в собственной ночной рубашке.

– Хватай сундук, рогатый, делаем ноги! – скомандовала Магда.

Они рванули через чёрный ход в темноту ночного леса. Позади, сотрясая стены трактира, доносился яростный крик Люция:

– Я аннулирую вашу лицензию-ю-ю! Вы у меня будете лягушек в болоте по расписанию считать!

Пятки Толика сверкали в темноте, как два светлячка, а хвост испуганно наматывался на пояс. Сундук они с Магдой тащили вдвоём, шумно дыша и проклиная жадность прадеда – золота старый чёрт накопил знатно, килограмм под сорок. За ними, тяжело переваливаясь с лапы на лапу, бежал Степан. В клюве он по-прежнему гордо сжимал того самого карася.

– Сюда! К раскидистой иве! – гаркнул Толик, сворачивая в самую непролазную чащу, где сосны стояли так плотно, что даже лунный свет застревал в ветках. – Дядя Борька! Выручай! Кредиторы... то есть Комитет на хвосте!

Вдруг огромный замшелый пень, мимо которого они про-

бегали, зашевелился, зевнул со скрипом старой сосны и открыл два зелёных, светящихся глаза. Из пня высунулись сучковатые руки, которые ловко сгребли всю компанию вместе с сундуком и затащили в потайной земляной грот под корнями.

Через секунду над их головами послышался топот отутюженных сапог. Люций, тяжело дыша, пробежал мимо, выкрикивая в темноту:

– Нарушение лесного кодекса! Незаконный вывоз цветных металлов! Я всё равно вас найду-у-у!

Когда шаги инспектора стихли, зажёгся тусклый свет от гнилушек. Напротив беглецов сидел Леший – огромный, бородатый, весь в лишайниках и с улиткой на плече.

– Ну, здорово, племянничек, – проскрипел Леший, глядя на Толика. – Опять у деда казну увёл? И ведьму с собой прихватил... Настоящая? Шляпа где?

– Лицензию спасаем, дядь Борька, – тяжело дыша, ответила Магда, стягивая лыжную шапочку. – Спрячь золото. Мы в долгу не останемся. У меня в расписании на следующую неделю есть свободное окно. Могу твоему болоту такой дренаж устроить, век кикиморы сухими ходить будут.

Леший почесал бороду, отчего во все стороны полетели сухие еловые иголки.

– На кой мне дренаж? Мне магия твоя нужна. Ювелирная. Слыхала про берёзу мою любимую? Людмилочкой зовут.

Леший бережно раздвинул корни, и Магда увидела в уг-

ду грота... совершенно чахлую, бледную берёзку, у которой вместо листьев висели какие-то грустные жёлтые тряпочки.

– Ну вот, – шмыгнул носом огромный лесной дух. – Не растёт Людмилочка. Соседний Водяной сказал, ей не хватает «гламурного сияния». Хочу, чтоб она у меня серебром отливала и по ночам тихонько пела что-нибудь из репертуара лесных эльфов. Сделаешь – спрячу сундук так, что никакой Комитет с миноискателем не найдёт. Не сделаешь – выдам вас этому очкастому, мне ссориться с властями резона нет.

Магда посмотрела на часы. Было уже 04:15 утра. Самое ведьминское время, когда силы на исходе, а фантазия бьёт ключом.

– Ладно, – ведьма достала свою верную пилочку для ногтей. – Степан, открывай ежедневник. Пиши: 04:20 – *Наведение гламура на высшие растения*. Толик, тащи сюда из сундука две самые блестящие монеты, будем делать серебряную пыль.

Степан выплюнул карася, открыл блокнот и, зажав крылом карандаш, начал корябать.

– Га, – проворчал гусь. – Если эта берёза запоёт фальшиво, я лично оборву ей все ветки на веники.

Магда затаила заклинание, Толик начал тереть золотые монеты друг об друга, высекая искры, а Леший затаил дыхание, ожидая чуда для своей Людмилочки...

Магда взмахнула пилочкой для ногтей, Толик яростно за-

скрежетал монетами, а гусь Степан для пущего эффекта захлопал крыльями, создавая нужный вихрь. Воздух в гроте заискрился, на ветки чахлой берёзы опустилась волшебная пыльца, и Людмилочка... преобразилась. Она резко выпрямилась, её кора засияла неоновым серебром, а листья зашелестели с металлическим звоном.

Леший замер от восторга, вытирая набежавшую слезу куском моха.

– Ну, Людмилочка..., – прошептал он. – Спой, птичка.

Птичка запела. Правда, вместо нежного эльфийского сопрано из недр серебряного ствола раздался густой, раскатистый, кондовый бас, от которого у Магды заложил уши, а у Толика затряслись рожки:

– **О-о-о-ой, да не вечер-р-р, да не вече-е-р!** – рявкнула берёза так, что с потолка грота посыпалась земля. – **Мне ма-а-ало спало-о-ось!**

– Мама дорогая..., – Магда в ужасе уставилась на свою пилочку. – Я вместо заклинания «Лесная нимфа» прочитала «Хор кубанских казаков»! Они же в блокноте на соседних страницах записаны!

– **Мне во сне-е-е привиде-е-лось...,** – продолжала Людмилочка, вкладывая в песню всю свою берёзовую душу и качая ветками в такт. Грот вибрировал. Улитка на плече Лешего от греха подальше втянулась в раковину и запечаталась.

– Га-а-а! – заорал Степан, пытаясь перекричать поющее дерево. – Срочно делай откат заклинания! Нас сейчас по зву-

ку ОМОН Магического Комитета накроет!

Но было поздно.

– Руки вверх, господа фрилансеры!

Сверху раздался треск ломающихся веток, и прямо через потолок грота, провалившись сквозь слой дёрна, рухнул инспектор Люций. Весь в хвое, очки набок, мантия порвана, но в руке зажжённая палочка-фонарик и бланк для протокола.

– Ага-а-а! – торжествующе воскликнул он, приземлившись аккуратно на сундук с золотом. – Попались! Незаконная некромантия, кража госсобственности, а теперь ещё и..., – Люций ошалело посмотрел на поющее басом неоновое дерево – ...и шумовое загрязнение заповедной зоны после двадцати двух ноль-ноль!

Берёза, не обращая внимания на инспектора, взяла ноту повыше:

– **Ой, будто конь мой вороно-о-о-ой...**

– Тише ты, эстрада листопадная! – шикнул на неё Леший, вставая на защиту своего имущества. Он грозно навис над Люцием. – Слышь, очкастый, ты почто мне потолок сломал? И на сундук мой фамильный усаживаешься?

– Это улика! – пискнул Люций, но с сундука на всякий случай слез. Налоговый кодекс налоговым кодексом, а сердитый Леший – это три центнера чистых неприятностей.

Магда поняла: пора брать ситуацию в свои ведьминские руки. Психология и дипломатия – это не её конёк, её конёк – жёсткий тайм-менеджмент. Она решительно шагнула вперёд

и посмотрела на часы.

– Так, тихо всем! – рявкнула ведьма, и даже берёза Людмилочка на секунду поперхнулась на слове «разгулялся». – Инспектор Люций, давайте начистоту. Выпишете штраф – мы пойдём по этапу, золото заберёт государство, а вы до конца жизни будете строчить отчёты. А ведь можно договориться по регламенту.

Люций насупился, но ухо приклонил. Магический Комитет платил немного, а бумажная волокита всем сидела в печёнках.

– Ваши предложения? – сухо спросил он, поправляя очки.

Инспектор Люций презрительно хмыкнул, услышав предложение Магды.

– В гляделки? С птицей? – он поправил очки и гордо выпрямил спину. – Госпожа Маргарита, я окончил Магическую Академию с отличием. Я сдавал экзамен по ментальной концентрации самому суровому профессору кафедры иллюзий и не моргнул ни разу за сорок минут! Вы думаете, меня напугает этот... домашний скот?

Степан при этих словах медленно перестал жевать своего карася. Его маленькие чёрные глазки-бусинки сузились до размеров игольного ушка. Гусь сделал два шага вперёд, транслируя в пространство такую мощную ауру древнего катаклизма, что даже берёза Людмилочка притихла и тихонько зашелестела на мотив «Врагу не сдаётся наш гордый Варяг».

– Правила просты, – объявила Магда, сверяясь с часами.

– Время **04:55**. Раунд длится до первого моргания. Если побеждает Степан – вы рвёте протокол, забываете дорогу к этому гроту, а сундук списываете как «загадочное исчезновение маны». В качестве бонуса забираете того летающего карася. Если побеждаете вы... что ж, я иду под суд.

– Идёт! – отрезал Люций.

Они сели друг напротив друга прямо на земляной пол подземелья. Между ними сидел Леший, судейским жестом положив огромную лапу на сундук с золотом, а Толик грыз ногти от нервов.

Люций уставился на Степана взглядом потомственного следователя. Гусь ответил ему абсолютно пустым, леденящим душу взглядом существа, чьи предки когда-то спасли Рим, а теперь планируют захватить Криволучье.

Прошла минута. Потолок грота продолжал тихонько сыпаться. Берёза Людмилочка преданно гудела басом на заднем плане, создавая атмосферу вестерна.

Прошло три минуты. У Люция задрожала правая бровь. Он внезапно понял, что совершил страшную тактическую ошибку. Гуси, как известно любому сельскому жителю (но не выпускнику столичной Академии), обладают удивительным строением глаз. У них есть мигательная перепонка, которая защищает глаз, пока сама птица выглядит так, будто смотрит прямо в вечность, не шевелясь.

– Он... он не мигает, – прошептал Люций, чувствуя, как из левого глаза покатилась слеза. – Почему он не мигает?!

– Га, – беззвучно ответил Степан одними губами. Точнее, клювом. В его взгляде читалось: «Я видел рассвет вселенной, инспектор. Твои штрафы для меня лишь пыль под перепонками».

На исходе четвёртой минуты Люций не выдержал. Воздух в подземелье был слишком сухим, а авторитет Степана подавляющим. Инспектор зажмурился, судорожно схватившись за лицо.

– А-а-а! Ладно! Ваша взяла! – закричал он, тяжело дыша.
– Это не гусь, это какое-то порождение хаоса!

Степан победно захлопал крыльями, издал трубный клич и первым делом отобрал у Люция бланк протокола, шумно его разжевав и проглотив.

Люций, признавая поражение, вздохнул, взял предложенного Магдой сушёного караса (в качестве компенсации за моральный ущерб) и поплёлся к выходу из грота, бормоча:

– В отчёте так и напишу: «В ходе проверки обнаружена аномальная зона повышенной гусиной концентрации. Дальнейшее следствие опасно для зрения».

Когда солнце наконец взошло над Криволучьем, Магда, Толик и Степан сидели на крыльце ведьминской избушки. Сундук с золотом был надёжно спрятан в лесных офшорах у Лешего, который пообещал выдавать Толику карманные деньги небольшими порциями, чтобы тот снова не проиграл их цыганам.

Магда с наслаждением сделала глоток горячего чая и от-

крыла свой любимый ежедневник. На часах было 08:30.

– Так, Стёпа, – зевнула она, вычёркивая ночные приключения. – Скоро девять. Начинается официальный рабочий день. Что там у нас дальше по расписанию?

Гусь Степан, сытый, довольный и всё ещё слегка серебряный от берёзовой пылицы, лениво ткнул клювом в страницу:

– «09:00 – Снятие порчи с коров старосты. При себе иметь три ведра парного молока».

– Ну, молоко – это хорошо, – улыбнулась Магда, поправляя свою остроконечную ведьминскую шляпу. – Пошли работать. А то если мы опоздаем хоть на минуту, староста опять накатает жалобу...

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ...

ГЛАВА 2. ПРОКЛЯТИЕ СИНЕГО ПОНЕДЕЛЬНИКА

Понедельник у Магды начался строго по графику.

09:00 – Изгнание мелких пакостников, барабашек, из амбара деда Михея.

11:00 – Сбор целебной ромашки на Лысой горе.

13:00 – Обед.

В час дня Магда сидела за деревянным столом, намазывая мёд на свежую булку. Напротив нее сидел Степан и с важным видом листал свежий номер журнала «Вестник чародейства».

– Слышь, хозяйка, – гакнул гусь, ткнув крылом в глянцевую страницу. – Тут пишут, что в столице ведьмы перешли на новые мётла с вертикальным взлётом и климат-контролем. А ты всё на своей старой берёзовой палке летаешь, у которой из удобств только мох на черенке.

– Зато моя метла экологически чистый транспорт, – отмахнулась Магда. – И вообще, не отвлекай, у меня по расписанию тридцать минут тишины.

Тишина продлилась ровно до тридцать первой минуты. Раздался оглушительный свист, шуршание, и прямо в открытое окно избушки, сбивая занавески и горшки с геранью, влетел... ковёр.

Обычный такой, шерстяной ковёр, красный с узорами, какие в ЭС-С-СЭРЕ вешали на стену для красоты. Вот только этот ковёр яростно чихал, кашлял дымом из бахромы и никак не мог приземлиться. На ковре, намертво вцепившись в ворс пальцами рук и ног, сидел Пашка – местный деревенский изобретатель.

– Магда! Сбивай его! Тормоза отказали! – заорал Пашка, делая третью петлю под потолком избушки.

Магда среагировала мгновенно. Схватив швабру, она прокричала заклинание заземления. Ковёр обиженно икнул, потерял высоту и плюхнулся прямо на обеденный стол, придавив Пашку и похоронив под собой булку с мёдом.

– Пашка, чёрт тебя дери! – вскипела Магда, поправляя съехавшую шляпу. – Ты время видел? У меня сейчас...

– Знаю, знаю, приём по личным вопросам с четырнадцати ноль-ноль! – Пашка вылез из-под ковра, отряхивая с джинсов пух. – Но это экстренный случай! Я его на чердаке у прадеда нашёл. Думал, починю, буду в райцентр за запчастями летать без пробок. Заговорил ворс, залил в бахрому настойку на мухоморах для тяги... А он взлетел и сошёл с ума! Не останавливается!

Степан подошёл к ковре, брезгливо понюхал бахрому и выдал вердикт:

– Га. Передоз мухоморов. У него карбюратор забился. Тьфу, то есть узоры перепутались. Смотри, у него на левом углу вместо защитного ромба нарисован знак «Полный впе-

рѐд и ни шагу назад». Он теперь будет лететь, пока до Китая не доберѐтся.

И тут, как назло, у калитки послышался знакомый, до боли педантичный кашель. В проѐме двери появился инспектор Люций. На этот раз на нём были новые очки, старые, видимо, так и не оправившись после гляделок с гусем, и огромный ярко-жѐлтый жилет с надписью «МагГосАвтоИнспекция».

– Так-так-так, – протянул Люций, прижимая к груди папку «Дело» и победоносно улыбаясь. – Незаконная модификация текстильных изделий? Эксплуатация летательных аппаратов без регистрационных номеров и техосмотра?

Пашка побледнел. Магда сделала фейспалм. Только Степан не растерялся – он быстро накинул на ковѐр кусок старой мешковины и притворился, что просто протирает пыль.

– Инспектор, это обычный ковѐр, – попыталась улыбнуться Магда. — Мы его... выбиваем. Внутренний клининг по расписанию.

– Да неужели? – Люций сделал шаг вперѐд, доставая волшебную рулетку. – А почему этот ваш «обычный ковѐр» вибрирует, рычит и пытается укусить меня за штанину?

Ковѐр под мешковиной действительно начал глухо рычать. Мухоморная настойка окончательно ударила ему в шерсть, и аппарат жаждал скорости.

Прежде чем Люций успел выписать штраф, ковѐр издал победный победный «Тр-р-р-р!» и рванул с места. Мешко-

вина отлетела в сторону. Ковёр подцепил Пашку, зацепил бахромой за пояс мантии Люция и, вылетев обратно в окно, устремился в небо над Криволучьем.

– А-а-а-а! Снимите меня отсюда! Это не по регламенту-у-у! – заорал инспектор, болтаясь в воздухе на высоте пятидесяти метров и намертво вцепившись в несчастного изобретателя.

Ковёр летел по безумной траектории – то взмывая к облакам, то проносясь прямо над головами испуганных коров старосты.

Магда выбежала на крыльцо.

– Степан, план перехвата! Живо!

Гусь прыгнул на ведьминскую метлу, Магда оседлала черенок, и они взмыли в воздух вдогонку за взбесившимся предметом интерьера. Ветер свистел в ушах, шляпа Магды улетела куда-то в кусты малины, а впереди Пашка и инспектор Люций крутили фигуры высшего пилотажа, моля о пощаде.

Ковёр-самолёт закладывал уже десятый вираж над центральной площадью Криволучья, выделявая такие кренделя, от которых инспектора Люция тошнило чистой канцелярской тушью. Он болтался на бахrome, как сосиска, и судорожно пытался вспомнить параграф закона о защите прав потребителей летающих ковров.

– Сделай же что-нибудь! – орала Магда Степану, лавируя на метле между верхушками тополей.

– Га! Сейчас организуем экстренную дезинсекцию! – прокричал в ответ гусь, копаясь в ведьминской сумке. – Нашёл! Заклинание «Сытая моль – пушистый ковёр». Читай три раза, только на ударение смотри!

Магда перехватила метлу одной рукой, второйхватила листок и закричала на всё небо:

– Шерсть, бахрома, узелок, волокно! Явись, едок, что не видит окно! Избавь аппарат от излишней маны, лети сюда сквозь туманы!

В небе над Криволучьем полыхнуло серым светом. Воздух сгустился, и из грозовой тучи соткалось... ОНО.

Представьте себе моль. Обычную такую домашнюю моль, только размером с хорошего упитанного бегемота. У неё были огромные, грустные и невероятно голодные глаза-плошки, пушистые усики-антенны и серебристые крылья, которые издавали глухой звук: «Флеп-флеп-флеп».

– Мамочки..., – прошептала Магда. – Кажется, я опять перепутала дозировку.

Призрачная супер-моль повела усами, принялась и зафиксировала взгляд на летящем ковре. Для неё этот шерстяной аппарат, пропитанный мухоморной настойкой, выглядел как сочный, элитный стейк с приправами.

– Ням? – глухо раздалось в головах у всех присутствующих. Моль, ко всему прочему, обладала еще и телепатическим голодом.

Один момент – и мега-насекомое на полной скорости рва-

нуло за ковром.

Теперь ситуация в небе Криволучья напоминала дешёвый фантастический триллер. Впереди с безумным воем летел ковёр с Пашкой и Люцием. За ними, щёлкая огромными челюстями, неслась гигантская моль, оставляя за собой шлейф из нафталиновых искр. А замыкали эту процессию Магда со Степаном на метле, пытающиеся придумать план «Б».

– Она нас сожрёт! Вместе с подотчётным инспектором! – В панике орал Люций, оборачиваясь. Моль была уже в пяти метрах, и её пушистые усы дружелюбно щекотали инспекторские сапоги.

– Пашка, глуши мотор! – Надрывалась Магда.

– Как?! У него педаль заклинило! – Выл изобретатель.

Моль сделала победный рывок и... АМ! Она филигранно откусила ровно половину задней бахромы ковра.

Ковёр моментально потерял баланс. Мухоморная тяга начала со свистом вырываться из прокушенного места. Летательный аппарат закрутило волчком, он начал резко терять высоту, выпуская из себя весёлые разноцветные искры. Моль, обиженно чавкая пустой пастью – бахрома оказалась невкусной и отдавала бензином – чихнула и растаяла в воздухе, оставив после себя лишь лёгкий запах бабушкиного сундука.

– Падае-е-ем! – Дружно закричали Пашка и Люций.

Ковёр, превратившийся в дырявую тряпку, спикировал прямо в центр Криволучья. И надо же было такому случиться-

ся, что траектория падения привела их ровно на окраину огорода бабы Нюры.

Пашка, Люций и остатки ковра приземлились точно в огромный стог свежего сена, который баба Нюра заботливо собрала ещё утром. Стог разлетелся во все стороны, как взрыв на макаронной фабрике.

Магда и Степан плавно приземлились на метле рядом. Из сена первым делом показалась рука инспектора Люция, судорожно сжимающая... травинку. За ней вынырнул сам инспектор – с сеном в волосах, в порванной мантии, но, слава богам, живой.

Пашка вылез следом, радостно ощупывая свои кости:

– Живой! И ковёр, гляди-ка, цел... ну, наполовину. Будет коврик для прихожей.

Люций медленно поднялся, выплюнул изо рта сухую ромашку и посмотрел на Магду. Ведьма сжалась, ожидая, что сейчас ей выпишут штраф размером с годовой бюджет королевства. Инспектор открыл рот, закрыл, снова открыл...

– Госпожа Маргарита, – тихо и как-то подозрительно спокойно сказал он. – Я... я не буду писать рапорт.

– Правда? – удивилась Магда.

– Да. Потому что если я напишу в Главное Управление, что меня преследовала призрачная моль размером с карету, меня просто отправят в санаторий для умалишённых магов. А у меня карьера.

Люций решительно сорвал с себя жилет «МагГосАвтоИн-

спекции», бросил его в сено и пошёл в сторону трактира, на ходу бормоча: «Перевожусь в отдел учёта болотных кикимор. Там спокойнее. Там нет гусей и текстильных монстров...»

Степан проводил его взглядом, победно гакнул и посмотрел на часы Магды:

– Хозяйка, у нас по расписанию законный послеобеденный сон. Пошли домой, а то Пашка сейчас ещё какой-нибудь утюг с автопилотом соберёт, я этого не переживу.

Магда засмеялась, закинула метлу на плечо, и наши герои пошагали к своей избушке.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ...

ГЛАВА 3. НАШЕСТВИЕ ВЛЮБЛЁННЫХ БОРОД

Четверг в Криволучье – день традиционно тяжёлый. По расписанию у Магды с 09:00 до 11:30 значилась «Рутинная проверка защитных амулетов на деревенской мельнице». Дело скучное, пыльное и абсолютно не сулящее никаких приключений.

Магда как раз заканчивала подметать крыльцо, когда из-за поворота дороги донёсся странный гул. Знаете этот звук, будто на вас на полной скорости несётся стадо очень маленьких, но крайне целеустремлённых кабанчиков? Только вместо хрюканья этот гул сопровождался залихватским свистом, звоном кирок и хоровым пением на неизвестном языке.

Через минуту калитка избушки разлетелась в щепки.

На ведьминский огород лавиной выкатилась толпа гномов. Их было не меньше тридцати: все в одинаковых бархатных жилетках, с нафабранными бородами, в которых поблёскивали речные изумруды, и с огромными букетами... дикого чертополоха в мозолистых руках.

Возглавлял эту банду старый подземный мастер Горин – гном суровый, который обычно за лишнюю копейку удавить готов. Но сейчас его глаза горели безумным романтическим

огнём, а из-под шлема торчала розовая шёлковая лента.

– О, прекрасная роза Криволучья! – Гаркнул Горин, падая на одно колено прямо в грядку с ведьминским чесноком. – Свет моих подземных шахт! Прими эти скромные колючки в знак моей вечной, сокрушительной любви! Я готов отдать тебе все алмазы севера!

– И мои! Мои алмазы тоже возьми! – Закричали гномы позади него, толкаясь и пытаясь пропихнуть свои букеты Магде прямо в лицо. – Мы пришвартовали наши тачки у твоего забора! Мы будем петь тебе серенады до скончания веков!

Магда в ужасе отступила на шаг, выставив перед собой метлу как копьё.

– Так, стоять! Назад! – закричала она, судорожно листая ежедневник. – У меня в расписании нет никаких серенад! Кто пустил под землю любовную магию?!

Из окна избышки высунулась белая голова Степана. Гусь прищурился, понюхал воздух, густо пропитанный ароматом дешёвого парфюма и земляничного варенья, и брезгливо крикнул:

– Га! Всё ясно. Хозяйка, помнишь, ты на прошлой неделе варила приворотное зелье для дочки мельника? Четыре литра розового сиропа высшей пробы на бруньках бешеной орхидеи?

– Ну помню, – Магда отбилась метлой от очередного гнома, который пытался поцеловать её левый сапог. – Она его

забрала в четверг.

– Забрать-то забрала, да по дороге споткнулась об корень и вылила всю банку в старый вентиляционный шурф гномьей шахты, – Степан философски почесал крылом клюв. – Там как раз у гномов была пересменка и обед. Очевидно, они подумали, что это новый столичный кисель, и выпили всё до капли. Поздравляю, Маргарита. Теперь у тебя в подчинении целая бригада влюблённых шахтёров. Они ради одной твоей улыбки готовы Криволучье по кирпичику разобрать и вглубь сдвинуть.

Гномы тем временем не теряли времени. Часть из них уже начала сооружать под окнами Магды трёхэтажную эстраду из принесённых брёвен, а двое самых мелких яростно спорили, чья борода больше подходит под цвет её ведьминской шляпы.

Пока гномы под окнами Магды слаженно, в тридцать голосов, затягивали балладу о «Прекрасной горной деве и её чугунном сердце», ведьма забаррикадировалась в избушке. Она подпёрла дверь комодом и судорожно перерывала старые рецепты в Кодексе Антимагии.

– Так, Стёпа, читай рецепт отворотного отвара! – Кричала Магда, пытаясь перекричать стук топоров, так как влюблённые шахтёры уже начали вытёсывать её пятиметровый профиль на вековом дубе.

– Га-а! Нашёл! – Гусь яростно перелистывал страницы лапой. – «Для снятия приворота на бруньках бешеной орхи-

деи требуется: корень лопуха, стакан колодезной воды и...»,
– Степан осёкся и испуганно посмотрел на хозяйку. – Ой-ой. Хозяйка, у нас проблемы. Тьфу, то есть у тебя проблемы. Нужна слеза трезвого водяного. Причём добытая добровольно.

Магда замерла с мешком лопухов в руках.

– Трезвого? – Переспросила она. – Наш Водяной из Кривой речки трезвым бывает только тридцать первого февраля! И он до сих пор обещает утащить меня на дно за тот туман и синяк на плавнике!

В этот момент в окно избушки просунулась волосатая рука гнома Горина. Он держал серебряное кольцо с бриллиантом размером с куриное яйцо.

– Маргарита! Душа моя! Я ради тебя задушил подземного дракона! – Вopil Горин, пытаясь дотянуться до ведьминского халата. – Выходи за меня! Моя мама уже печёт свадебный пирог из гранитной крошки!

– Всё, некогда рассуждать! – Магда решительно схватила швабру, перехватила ежедневник и посмотрела на часы. – Пиши, Стёпа: 10:20 – 11:00. Пытки водяного. Экстренно. Бежим через погреб, пока они нам загс прямо во дворе не построили!

Через двадцать минут Магда и Степан, поцарапанные и запыхавшиеся, стояли у старого камышового пруда. Вода здесь была зеленоватой, сонной и подозрительно тихо булькала.

Магда подошла к мосткам и трижды постучала шваброй по воде.

– Эй, хозяин речной! Вылезай, дело есть! Государственной важности!

Вода забурлила, и на поверхность медленно показалась огромная, усатая голова, похожая на перезревшую тыкву, облепленную тиной. Водяной, судя по красному носу и мутным глазам, как раз дегустировал свежую порцию забродившего камышового кваса. Он сердито повёл левым плавником, на котором красовался огромный, сине-зелёный синяк.

– А-а-а... явилась, вредительница! – Проикал речной дух, выплёвывая головастика. – Опять туман напустишь? Я из-за тебя прошлый раз всю щучью икру рассыпал! Не дам я тебе ничего! И вообще, убирайся, пока я твоего гуся на котлеты не пустил!

– Слушай, Афанасий, – Магда присела на корточки, стараясь говорить максимально убедительно. – У меня под окнами тридцать влюблённых гномов. Если я их не расколдую через час, они от избытка чувств повернут твою речку вспять и заставят её течь в гору, чтобы построить для меня хрустальный водопад! Твой пруд высохнет за три дня!

Водяной на секунду задумался. Перспектива остаться без кваса и в сухом иле его явно не радовала. Но старая обида была сильнее.

– Ну и пусть течёт! – Упрямо заявил он, скрестив руки на пузе. – Зато я, наконец-то, увижу, как ты плачешь! Хе-хе.

Не видать тебе моей слезы, ведьма. Я вообще существо бесчувственное, я последний раз плакал, когда в позапрошлом веке у меня любимая коряга сгнила!

Степан медленно вышел вперёд, расправил крылья и зловеще прошипел:

– Га. Значит, по-хорошему не понимаешь, рыбный паштет? Придётся включать ведьминскую психологию. Хозяйка, тащи сюда лук, хрен и сборник грустных эльфийских стихов о неразделённой любви к карасям! Мы из него эту слезу силой выжмем!

Водяной испуганно булькнул и попытался нырнуть обратно, но Степан мёртвой хваткой вцепился клювом в его длинный ус...

Водяной Афанасий отчаянно барахтался, пытаясь уйти на глубину, но Степан держал его за ус так, словно от этого зависела вся гусиная популяция королевства.

– Пусти, пернатый! Штраф натравлю! Жалобу в Магический Комитет накатаю за жестокое обращение с речными земноводными! – Булькал Афанасий, пуская ртом мыльные пузыри от злости.

– Га-а! Пиши хоть Папе Римскому! – Орал Степан, упираясь лапами в скользкие мостки. – Хозяйка, жми на жалость! Он уходит!

Магда поняла, что лук и хрен остались в избушке, которую сейчас, скорее всего, гномы уже обносили кружевным забором в виде сердечек. Нужно было действовать импрови-

зацией. Ведьма выхватила свою верную пилочку для ногтей, приставила её к уху Водяного и включила режим «драматический рассказчик».

– Слушай сюда, Афанасий! – Загробным голосом начала она. – Представь: зима. Лютый мороз. Твой пруд промерзает до самого дна. Твой любимый камышовый квас превращается в монолитную глыбу льда. Твоя любимая коряга трескается от стужи... А ты сидишь подо льдом, и у тебя даже нет тёплых носочков, потому что у водяных нет ног! И никто, слышишь, никто во всей вселенной не принесёт тебе чашечку горячего бульона из головастиков!

Водяной замер. На его круглой морде отразился глубокий экзистенциальный ужас. Представление о замёрзшем квасе задело самые тонкие струны его скользкой души. Правый ус Афанасия дрогнул, огромные глаза затуманились, и... о чудо! Из левого глаза покатилась крупная, чистая, как алмаз, слеза.

– О-о-о-ой, без носочко-о-ов..., – всхлипнул речной дух. – И без кваса-а-а... Ну, ты и живодёрка, Магда!

– Стёпа, лови! – Крикнула ведьма.

Гусь на лету отпустил ус, выхватил из сумки пустой стеклянный флакон из-под духов и филигранным движением поймал драгоценную каплю ровно за секунду до того, как она упала в речную тину.

Дзынь! Слеза почти трезвого водяного была добыта.

– Всё, Афоня, отмена зимы, квас спасён, бывай! – Весело

крикнула Магда, затыкая флакон пробкой.

Водяной обиженно булькнул, показал им неприличный жест плавником и с головой ушёл под воду, оставив на поверхности только обиженную цепочку пузырей.

До катастрофы оставалось двадцать пять минут.

Магда и Степан неслись обратно к избушке так, что трава под ногами загоралась. Ведьма, на бегу, насыпала во флакон со слезой сушёный корень лопуха, заливала колодезную воду и яростно трясла получившуюся мутную жижу. Жижа сперва зашипела, потом окрасилась в ядовито-зелёный цвет и начала пахнуть старыми дедовскими галошами.

– Отвар готов! – Тяжело дыша, прокричала Магда, когда они выскочили на опушку. – Теперь главное – заставить тридцать влюблённых мужиков это выпить!

Но то, что они увидели у избушки, остановило их как вкопанных.

Гномы времени зря не теряли. Избушка Магды теперь напоминала зефирный торт: они успели покрасить стены в розовый цвет, приколотить к крыше резных купидонов, а на крыльце соорудили огромный трон из золотых самородков. Сам Горин стоял на коленях перед берёзой Людмилочкой и пытался привязать к её ветке обручальное кольцо.

– О, великая тишина твоей кроны! – Вопил Горин. – Будь свидетельницей нашей любви с Маргаритой!

Людмилочка в ответ недовольно зашумела листьями и басом выдала:

– Ой, да не для тебя-а-а моя роза цвела-а-а...

– Так, Стёпа, план «Б», – прошептала Магда, прячась за кустом смородины. – Добровольно они эту гадость пить не будут. У них сейчас в головах только бабочки и розовый сироп. Как нам напоить всю толпу разом?

Магда решительно вышла из-за куста смородины, держа в руках огромную двухведерную канистру, куда она только что перелила отвар на основе слезы Водяного. Лицо ведьмы выражало абсолютное хладнокровие, хотя внутри у неё всё тряслось от мысли, что её любимую избушку только что перекрасили в цвет бешеной фуксии.

– Так, тихо всем! – Зычно крикнула Магда, стукнув черенком метлы по трону из самородков. – Минуточку внимания, влюблённые мои!

Тридцать гномов разом обернулись. Горин, чуть не запутавшись в собственной бороде, подскочил с колен и раскинул руки:

– Маргарита! Свет моих шахт! Ты принесла нам напиток любви? Мы выпьем его за твоё здоровье!

– Ага, разбежался, – проворчал под нос Степан, сидевший на заборе с секундомером.

– Какая любовь, Горин? Окститесь! – Магда заговорщически подмигнула толпе и демонстративно приоткрыла крышку канистры. В воздух тут же шибанул резкий запах старых галош, но ведьма даже глазом не моргнула. – Я тут, пока вы пели, проводила аудит подвалов. И нашла... Это. Жидкое зо-

лото гномьих праотцов! Высшая проба, стопроцентный концентрат! Секретная разработка Магического Комитета, контрабанда из самой столицы!

Гномы замерли. В их глазах, где ещё секунду назад порхали розовые бабочки и кружевные купидоны, внезапно зажёгся другой, гораздо более древний и мощный огонь. Огонь профессионального интереса.

– Жидкое? – Переспросил Горин, сделав шаг вперёд и пригнувшись. – Но... почему оно пахнет как старый дедовский сапог?

– Это запах аутентичности и высокой концентрации ферментов! – Авторитетно заявил Степан с забора. – Необразованная вы тундра! Настоящее золото всегда пахнет сурово. Кто первый сделает три глотка у того борода станет золотой, а кирки начнут сами руду искать! Но канистра всего одна...

Этого было достаточно. Влюблённый туман в головах шахтёров мгновенно рассеялся, уступив место суровому инстинкту сибирского старателя.

– Моё-о-о-о! – Взревел гном Горин, напрочь забыв про свои признания в любви, швырнул букет чертополоха Магде под ноги и первым бросился к канистре.

– Куда попёр, старый?! Моё! – Закричали гномы позади него.

Через секунду у крыльца избушки завязалась классическая гномья потасовка. Куча-мала из бород, топоров и бархатных жилеток покатила по огороду. Они вырывали ка-

нистру друг у друга, жадно делая по три огромных глотка прямо из горлышка, передавали её дальше и снова лезли в драку.

Прошло ровно три минуты. Канистра опустела.

На ведьминском дворе воцарилась гробовая тишина. Тридцать гномов сидели на перекопанной грядке с чесноком, держались за головы и с глубоким отвращением смотрели друг на друга, а затем на розовые стены избушки.

– Ох... – Горин позеленел, вытирая рот рукавом. – Ну и гадость. Какое, к лешему, золото? У меня во рту такое ощущение, будто там стадо гоблинов в носках ночевало. И вообще..., – он ошалело посмотрел на Магду, которая стояла на крыльце, скрестив руки на груди. – Госпожа ведьма? А что мы вообще тут делаем? Почему на мне розовая лента? И кто, блин, покрасил твой дом в этот дурацкий цвет?!

– Вы и покрасили, Горин, – ласково улыбнулась Магда, показывая пальцем на вёдра с краской. – От избытка чувств. И дуб старосты испортили.

Гномы дружно сжались. Романтический угар прошёл, и перед ними снова стояла суровая лицензированная ведьма с чугунной сковородкой наготове, которую услужливо вынес её из дома Степан. А порча имущества ведьмы – это статья, причём очень дорогая.

– Мы... это... мы всё исправим! – Заикаясь, произнёс Горин, попятившись к калитке. – Бригада! Инструмент в руки! Стены перекрасить в приличный серый цвет! Купидонов с

крыши снять, пустить на дрова! Розовый забор сжечь! Живо, живо, а то она нас в лягушек превратит!

Гномы развили такую скорость, которой позавидовала бы любая столичная строительная фирма. Уже через двадцать минут избушка сияла свежей нейтрально-серой краской, огород был аккуратно разровнен, а дуб старосты тщательно зашлифован.

Когда часы на башне Криволучья пробили половину двенадцатого, гномы, вежливо раскланявшись и извинившись за беспокойство, строем ушли обратно в свои шахты.

Магда с облегчением выдохнула, села на ступеньку крыльца и открыла ежедневник. Напротив строчки «09:00 – 11:30. Рутинная проверка защитных амулетов» она с чистой совестью поставила жирную галочку.

– Ну вот, Стёпа, – улыбнулась она, поправляя шляпу, которую гномы перед уходом заботливо почистили от пыли. – В расписание мы уложились секунда в секунду. Магия магией, а тайм-менеджмент великая вещь.

Степан, доедая остатки вчерашнего караса, лениво глянул в блокнот:

– Га. Уложились-то уложились. Только переверни страницу на вторую половину дня.

Магда перевернула страницу и прочитала:

«14:00. Приём граждан. Вне очереди: Инспектор Люций с жалобой на депрессию после встречи с призрачной молью».

Ведьма рассмеялась, закинула метлу в дом и пошла зава-

ривать крепкий чай с мятой.

День в Криволучье обещал быть долгим, но абсолютно незабываемым.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ...

ГЛАВА 4. ВЕДЬМИНСКИЙ АУДИТ, ИЛИ КАК НЕ СОЙТИ С УМА ВО ВТОРНИК

Вторник в Криволучье начался подозрительно тихо. На часах было ровно 09:00. Магда сидела на веранде, лениво помешивая ложкой в чашке с травяным чаем, а Степан яростно полировал клювом свои перепонки.

– Что-то затишье какое-то нездоровое, – проворчал гусь, поглядывая на пустую дорогу. – Никто не взрывается, ковры по небу не летают, гномы серенады не орут. Аж противно. У меня от этой скуки скоро депрессия начнется, как у того очкастого из трактира.

Как в воду глядел. Не успел Степан договорить, как у калитки послышались шаги. Но не твёрдые, министерские, а такие... шаркающие, грустные.

На дорожке появился инспектор Люций. Выглядел он, мягко говоря, не по регламенту. Мантия помята, пуговицы застёгнуты через одну, очки сдвинуты на кончик носа, а в руке вместо привычного блокнота штрафов он держал... банку со светлячками и сопливый платок.

– Госпожа Маргарита..., – уныло протянул Люций, дотаскившись до крыльца и рухнув на стул. – Я пришёл сдаваться. Выпишите мне противоядие. Или зелье забвения. Или про-

сто превратите меня в карпа и сбросьте в пруд к Афанасию. Там хотя бы нет отчётов.

Магда удивленно приподняла бровь и заглянула в свой ежедневник.

– Так, инспектор, – нахмурилась она. – У меня на девять утра по расписанию «Сортировка сушёных лягушачьих лапок по размеру». Вас в графике нет. Что случилось-то?

Люций шмыгнул носом и вытащил из кармана помятое официальное письмо с золотой печатью Магического Комитета.

– Из столицы едет... ОНА, – прошептал инспектор, и его робкая бровь затряслась от ужаса. – Главный аудитор Департамента Бюрократических Заклятий. Элеонора фон Штрих. Она не прощает ошибок. Если она узнает, что у меня в отчётах числятся «дождь из карасей» и «призрачная моль размером с карету», меня сошлют на урановые рудники для гоблинов! Помогите мне составить фальшивый отчёт, умоляю!

Степан при слове «фальшивый» аж подпрыгнул на перилах и радостно гакнул:

– О-о-о! Криминал! Подделка государственных документов! Наш профиль! Сколько платишь, очкастый?

– Никакого криминала! – Отрезала Магда, стукнув ложкой по чашке. – У меня лицензия, между прочим! Но..., – ведьма посмотрела на несчастного Люция, от которого сейчас было пользы меньше, чем от прошлогоднего веника. – Ладно. Оставляй свои бумаги. Стёпа, пиши в ежедневник:

09:15 – 10:30. Спасение инспектора от нервного срыва посредством магии и чая.

Они только-только разложили на столе скучные министерские бланки, как вдруг воздух над Криволучьем стал ледяным. Птицы в лесу моментально заткнулись. Ромашки на клумбе Магды испуганно свернули лепестки, а избушка жалобно скрипнула брёвнами.

На дороге послышался стук каблуков. Строгий, чёткий, как удары топора.

К дому шла высокая дама в идеально чёрном кашемировом пальто, с волосами, убранными в пучок такой тугой, что у неё, кажется, даже глаза слегка приподнялись к вискам. В левой руке она держала серебряный монокль, а в правой – огромный, зловеще поблёскивающий хрустальный шар на подставке.

Элеонора фон Штрих прибыла на аудит.

Дама остановилась у крыльца, брезгливо осмотрела свежую серую краску на стенах и навела монокль прямо на Магду.

– Так-так-так, – её голос прозвучал как скрежет зубов при перекусывании шерстяной нитки. – Ведьма Маргарита, третий разряд. А это, надо полагать, наш доблестный инспектор Люций? Почему не в форме, молодой человек? Почему от вас пахнет ромашковым чаем вместо казённого сургуча?

Люций попытался встать, но его колени окончательно превратились в желе, и он просто сполз под стол, тихонько

икнув оттуда.

– Извините, госпожа аудитор, – вежливо, но твёрдо сказала Магда, загораживая собой стол с бумагами. – Инспектор Люций временно недееспособен по причине... э-э-э... внезапной магической аллергии на канцелярские скрепки. Я временно исполняю его обязанности. У нас всё строго по расписанию!

Элеонора фон Штрих холодно усмехнулась и поставила свой хрустальный шар прямо на середину стола.

– Вот как? Сейчас проверим. Мой шар-детектор считывает любые остаточные следы несанкционированной магии за последнюю неделю. Если в этом радиусе происходило что-то, не утверждённое регламентом Комитета... шар станет багровым, и вы оба лишитесь магии навсегда.

Шар внутри зашевелился, в нём поплыли фиолетовые искры, и он начал медленно, но уверенно наливать зловещим красным цветом. До катастрофы оставалось буквально несколько секунд – шар вот-вот должен был показать и карасей, и моль, и поющую басом берёзу Людмилочку.

Степан посмотрел на шар, потом на Магду, и в его гусиной голове моментально созрел план, который нарушал примерно все законы физики и здравого смысла...

Когда Хрустальный шар на столе налился багровым цветом уже до середины, внутри него зловеще закружились силуэты летающих карасей и гигантских призрачных крыльев. Элеонора фон Штрих победоносно приподняла бровь, а её

пальцы уже потянулись к серебряному перу, чтобы вычеркнуть Магду из реестра ведьм, а Люция – отправить чистить котлы к гоблинам.

Магда поняла: счёт идёт на миллисекунды. Сверившись со своими внутренними часами, она сделала вид, что споткнулась о лапу Степана.

– Ой, неосторожность какая! – Преувеличенно громко вскрикнула ведьма.

И в то же мгновение лёгким щелчком пальца отправила остатки ядовито-зелёного зелья из слезы Водяного прямо в хрустальную лунку на подставке детектора.

ПШ-Ш-Ш-Ш! БУЛЬ-БУЛЬ!

Шар испуганно икнул. Багровое свечение внутри него смешалось с зелёной болотной жижей. На секунду прибор замер, словно переваривая концентрированную тоску Афанасия, а затем фиолетовые искры сменились глубоким, унылым цветом речной тины.

Проекция карасей растаяла. Вместо неё шар начал транслировать на всю веранду мощную, железобетонную волну вселенской депрессии. В головах у всех присутствующих раздался глухой, заунывный плач Водяного:

«О-о-о-ой, зима-а-а... Квас замёрзнет... А у меня даже носочков нету, потому что у водяных нет но-о-ог...»

Элеонора фон Штрих замерла. Её идеальная осанка вдруг слегка просела. Суровые губы дрогнули. Монокль выпал из руки и с тихим звяканьем повис на цепочке.

– Что это? – прошептала главный аудитор, и из её левого, обычно такого холодного глаза выкатилась огромная, совершенно не предусмотренная министерским регламентом слеза. – Почему мне так грустно? Почему мне кажется, что моя жизнь – это просто куча сухих бланков, а у меня... у меня даже нет тёплых шерстяных носочков под мантией?

Из-под стола робко высунулась голова инспектора Люция. Услышав плач Водяного, он тоже всхлипнул и полез в карман за вторым платком:

– И у меня нет носочков с начёсом, госпожа фон Штрих! Комитет выдаёт только тонкие, казённые!

Через минуту на веранде стоял форменный плач. Строгий столичный аудитор и педантичный местный инспектор сидели рядышком на лавке, размазывая слёзы по щекам и жалуюсь друг другу на тяжёлую долю государственных служащих.

– Га-а-а! – Победно захохотал Степан, утирая слезу крылом. – Хозяйка, это чистая победа! Психическое оружие массового поражения в действии! Пиши в ежедневник: 09:30. Доведение руководства до состояния катарсиса.

Магда, однако, не расслаблялась. Зелье Водяного действовало мощно, но не вечно. Рано или поздно Элеонора фон Штрих вспомнит, зачем приехала, и тогда её ярость за проявленную слабость превзойдет все мыслимые штрафы.

– Так, Люций, Элеонора, прекращаем сырость разводить! – Скомандовала Магда, пряча пустую канистру. – Пока прибор показывает «идеальный экологический баланс Кривой

речки», подписывайте отчёты за прошлую неделю! Живо!

Но тут хрустальный шар, не выдержав внутреннего давления депрессии, издал громкий треск. По его идеальной поверхности поползла извилистая трещина, а болотный туман начал тонкими струйками сочиться наружу, угрожая погрузить в тоску всё Криволучье...

На часах было 09:40 утра, а хрустальный шар на столе уже вибрировал так, что чашки с чаем подпрыгивали. Из трещины на его боку густыми клубами валил зеленоватый туман тоски. Люций и Элеонора фон Штрих, обнявшись, хором оплакивали отсутствие шерстяных носочков у речной фауны.

– Хозяйка, он сейчас рванёт! – Заорал Степан, прикрывая голову крыльями. – Если это облако накроет деревню, у нас доярки откажутся коров доить, потому что «всё тлен и безысходность»!

– Тащи прибор за мной! – Скомандовала Магда, хватая канистру. – Бегом к Людмилочке! У неё мощные корни, она переварит!

Ведьма схватила вибрирующий и трещащий шар, Степан полетел впереди, расчищая дорогу трубными кличами, а позади них, пошатываясь и утирая слёзы, плелись двое представителей Магического Комитета.

Они влетели в лесной оффшор, где серебряная берёза Людмилочка уныло дремала под присмотром Лешего.

– Дядя Борька, расступись! – Крикнула Магда. – Спасаем

государственную отчётность!

Ведьма с размаху зачихнула трещащий шар прямо в глубокое дупло Людмилочки и запечатала его сверху добрым шлепком болотной замазки.

Шар внутри дерева глухо бабахнул. Болотный туман попытался вырваться наружу сквозь листья, но Людмилочка лишь удивленно встряхнула кроной. Её серебряная кора ярко вспыхнула, корни судорожно сжались, вбирая в себя столичную магию, и берёза... открыла рот. Точнее, трещину в стволе.

Вместо заунывного плача Водяного из недр дерева на весь лес громыкнул такой ядрёный, бодрый и жизнеутверждающий бас, что у инспектора Люция моментально высохли слёзы, а очки встали на место:

– ОЙ, ДА РАЗГУЛЯЛСЯ КАЗАК МОЛОДОЙ! —
Взревела берёза, со свистом качая ветками. — **НЕ НА ПЫЛЬНОЙ ДОРОГЕ-Е-Е, А НА ВОЛЕ-Е-Е!**

От этой звуковой волны столичный туман депрессии разорвало в клочья за долю секунды. Волшебная энергия шара-детектора полностью переработалась в чистый, кондовый фолк-рок.

Элеонора фон Штрих резко выпрямилась. Её глаза округлились, пучок на голове снова натянулся, возвращая лицу суровое министерское выражение. Она пару раз моргнула, удивленно посмотрела на Люция, которого всё ещё держала за плечо, и поспешно отступила на шаг, поправляя кашеми-

ровое пальто.

– Кхм... Что это было? – Строго спросила она, наводя монокль на поющую берёзу. – Почему дерево исполняет строевые песни без согласования с Министерством Культуры?

Магда мгновенно сориентировалась и подмигнула Степану.

– Это, госпожа главный аудитор, инновационная лесная система оповещения о чрезвычайных ситуациях! – Гордо заявила ведьма, протягивая Элеоноре помятые бланки отчётов. – Защищает район от уныния и несанкционированных карасёвых дождей. Инспектор Люций лично курировал проект! Скажите же, Люций?

Люций, всё ещё слегка заикаясь от пережитого катарсиса, закивал как заведённый:

– Да-да! Инновации! Полное соответствие параграфу четыре... э-э-э... штрих-код двенадцать! Все показатели в норме, подпишите здесь и здесь!

Элеонора фон Штрих, чей мозг всё ещё слегка плавился от берёзового баса, молча взяла серебряное перо и размашисто поставила свою подпись на всех бланках.

– Аудит завершён, – сухо произнесла она. – Показатели... специфические, но разрушений нет. Я возвращаюсь в столицу. И... Люций?

– Да, госпожа фон Штрих?

– Выпишите себе из казны две пары шерстяных носков. Из чистой овечьей шерсти. Это... приказ.

Дама развернулась и чётким шагом пошла прочь из леса, унося в своей столичной голове навязчивый мотив про молодого казака.

Когда они вернулись к избушке, солнце уже всю грело серое крыльцо. Люций, счастливый как никогда в жизни, бережно прижимал к груди подписанные отчёты.

– Маргарита, вы спасены. И я спасён, – выдохнул он. – Я, пожалуй, пойду. Мне нужно... пересчитать амулеты на мельнице. Строго по вашему расписанию.

– Иди-иди, очкастый, – гакнул Степан, запрыгивая на подоконник. – И про носки не забудь!

Магда устало улыбнулась, присела на ступеньку и открыла свой ежедневник. На часах было ровно 10:30. Время для спасения инспектора вышло секунда в секунду. Ведьма взяла карандаш и с наслаждением вычеркнула эту строчку.

– Ну что, Стёпа, – зевнула она, подставляя лицо тёплому ветру. – Вторник начался бурно, но в график мы уложились. Что у нас там дальше?

– Дальше у нас обед, – отозвался гусь, вытаскивая из-за пазухи припрятанную сушёную воблу. – А после обеда – тихий час. И пусть только попробует прилететь ещё хоть один ковёр, я его лично на нитки распушу!

Магда засмеялась, соглашаясь с фамильяром. В конце концов, даже у ведьм по расписанию должно быть время на законный отдых.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ...

ГЛАВА 5. КУЛИНАРНЫЙ ПОЕДИНОК НА ВЫЖИВАНИЕ

Пятница. На часах ровно 09:00.

По расписанию у Магды значилась «Генеральная уборка чердака и дезинфекция старых котлов». Дело скучное, но необходимое, если не хочешь, чтобы в котлах завелись пауки-мутанты, плетущие кружевные салфетки из чистой тьмы.

Магда в старом фартуке и с банданой на голове как раз оттирала песком медный таз, когда на пороге избушки материализовалась баба Нюра. Та самая, у которой на огороде то караси сушёные падали, то ковёр-самолёт в стог сена парковался.

В руках баба Нюра держала глиняное блюдо, накрытое расшитым полотенцем, из-под которого шёл умопомрачительный аромат печёного теста, ванили и лесной малины.

– Магдушка, милая, выручай! – Запричитала старушка, выставляя блюдо на стол. – Грех на душу взяла! Староста наш, Михал Потапыч, сегодня юбилей празднует – пятьдесят лет как-никак. Ну, я и решила ему пирог испечь, праздничный, с малиной. Да черт меня дернул в комод у покойного деда-знахаря вместо сахарной пудры старый мешочек взять...

Из-под стола немедленно высунулся клюв Степана. Гусь принялся к пирогу, его глаза заблестели, но он вовремя сообразил, что к чему.

– Га! – Авторитетно заявил фамильяр. – Запах ванили мешается с остаточным шлейфом Пыльцы Истины. Хозяйка, баба Нюра бахнула в тесто концентрированное заклинание честности столетней выдержки!

Магда в ужасе отложила песок и схватилась за голову, своряясь с ежедневником.

– Баба Нюра! Вы понимаете, КТО будет на этом юбилее? Туда же приедет мэр из райцентра, председатель Магического Комитета и... боги мои, инспектор Люций там тоже будет! Если староста и гости съедят этот пирог, они же начнут вслух говорить всё, что друг о друге думают!

– Вот и я о том же! – Всхлипнула старушка. – Михал Потапыч уже ко мне внука послал, через полчаса пирог заберут на праздничный стол. А если я его не отдам, староста обидится и у меня корову за недоимки отберет! Магдушка, сделай отворотное заклинание! Чтоб пирог обратно обычным стал!

Магда подошла к пирогу и провела над ним пилочкой для ногтей. Пирог в ответ тихонько... замурлыкал. Магическая пыльца спеклась с малиновым вареньем и намертво въелась в структуру теста.

– Отменить нельзя, – вынесла вердикт ведьма, переводя взгляд на часы. 09:15. – Заклинание запеклось при темпе-

ратуре двести градусов. Его теперь только высшим кулинарным противоядием перебить можно. Стёпа, пиши в ежедневник: 09:15 – 09:45. Срочная выпечка Анти-Пирога Логики.

– Га! – Отозвался гусь, хватая карандаш. – А из чего мы его печь будем? У нас в закромах только сушёный лопух, мука второго сорта и прошлогодний сухарь!

– Будем импровизировать! – Отрезала Магда. – Баба Нюра, бегите домой и делайте вид, что всё в порядке. А мы со Степаном приготовим пирог-антидот, который заставит людей говорить исключительно канцеляризмами и круглыми фразами. Срочно тащи сюда дрожжи, Стёпа, и банку слёз инспектора Люция, которую мы в прошлый раз собрали! Они идеально подходят для разбавления пафоса!

Но ведьма не учла одного: магия честности внутри пирога бабы Нюры оказалась не просто сильной, она была... амбициозной. Почуввав угрозу со стороны ведьминской кухни, малиновый пирог на столе вдруг раздулся, его румяная корочка треснула, образовав подобие зубастой пасти, и он издал глухое, угрожающее:

– Хрум-м-м!

Пирог на столе разинул свою малиновую пасть, усеянную острыми зубьями из запечённого миндаля, упруго оттолкнулся корочкой от глиняного блюда и с криком: «Свободу горькой правде!» сиганул прямо в открытое окно.

– Держи кондитерское изделие! – Заорала Магда, хватая метлу.

– Га-а! Позор на мою гусиную шею, от нас еда убегает! – Взыл Степан, вываливаясь вслед за хозяйкой на крыльцо.

Но пирог оказался на редкость шустрым. Насыщенный Пыльцей Истины столетней выдержки, он катился по главной улице Криволучья со скоростью хорошего гоночного болида, оставляя за собой шлейф из сахарной пудры и умопомрачительного аромата свежей выпечки. И ладно бы он просто катился! Из его недр раздавался звонкий, пронзительный голос, который разносился на всю округу.

Первым под раздачу попал местный кузнец Тарас, который как раз гордо демонстрировал соседям новую «элитную эльфийскую кольчугу двойного плетения».

– Эй, железка! – Весело завопил пролетающий мимо пирог, подпрыгнув на кочке. – Твоё двойное плетение сделано из банок из-под тушёной свинины! А эльфийские руны на груди переводятся как «Срок годности три года, хранить в сухом месте»!

Соседи так и прыснули со смеху. Кузнец покраснел как раскалённый уголь и яростно замахнулся молотом, но пирог уже улетел дальше.

– Тормози углеводную бомбу! – Кричала Магда, лавируя на метле между бельевыми верёвками.

Она попыталась наложить на беглеца заклинание «Липкое тесто», но пирог увернулся, сделал мёртвую петлю вокруг колодца и выкатился прямо на рыночную площадь, где баба Марфа торговала «парным целебным молоком от аль-

пийских козочек».

– Женщина! – Проорал пирог, проносясь мимо её прилавка. – Твои альпийские козы вчера лазили по помойке за трактором и доедали старые обои! А молоко ты развела водой из Кривой речки в пропорции один к одному!

На площади мгновенно завязалась перепалка. Покупатели начали требовать деньги назад, баба Марфа визжала, а виновник кулинарного хаоса уже приближался к самому опасному месту в деревне – к центральному парку, где на летней веранде вовсю шёл банкет в честь юбилея старосты.

Там всё было чинно и благородно. Староста Михал Потапыч сидел во главе стола в парадном кафтане, мэр из райцентра толкал длинную и невыносимо скучную речь о «достижениях и процветании нашего края», а инспектор Люций педантично записывал что-то в блокнот, изредка поправляя новые очки.

– ...и в этот знаменательный день, – вещал мэр, прижимая руку к сердцу, – я хочу сказать, что Криволучье – это жемчужина нашего...

БАМС!

Малиновый пирог, совершив эффектный прыжок с забора, приземлился точно в центр праздничного стола, раздавив заливную рыбу и засыпав сахарной пудрой парадный блокнот Люция.

– Всем привет, лицемеры! – Восторженно рывкнул пирог, раскрывая миндальную пасть. – Ну что, начнём сеанс срыва-

ния масок? Мэр, расскажи старосте, что ты выделил деньги на ремонт моста, но потратил их на новый золотой унитаз в своей столичной резиденции! А ты, староста...

– Боги мои, он сейчас доберётся до Люция! – Ахнула Магда, тормозя на метле над верандой. – Степан, план «Глушитель»! Включай берёзу!

На часах было 09:44. Секундная стрелка неумолимо приближалась к критической отметке, за которой должен был начаться грандиозный скандал районного масштаба.

Малиновый пирог на столе уже набрал в свои запечённые лёгкие побольше воздуха, чтобы выдать старосте всё, что мэр думает о его юбилее, но Магда на метле уже зависла прямо над праздничным тентом.

– Не в мою смену, углевод проклятый! – Крикнула ведьма.

Она выхватила из-за спины верный ведьминский арбалет, зарядила в него липкий, серый комок абсолютно пресного, безвкусного теста без соли и сахара и спустила курок.

ШЛЁП!

Снаряд попал пирогу точнехонько в миндальную пасть ровно в момент, когда тот повернулся к инспектору Люцию. Магия честности мгновенно увязла в безвкусном пресном тесте. Пирог судорожно икнул, его зубастая пасть начала стремительно затягиваться румяной корочкой, превращая его обратно в обычное кондитерское изделие. Но перед тем как окончательно замолкнуть, он всё-таки успел невнятно прошамкать последнее разоблачение:

– ...а инсп-п-пектор Люций... тайно пишет фанатские стихи... про гуся Степана... под псевдонимом «Одинокий селезень»!

И пирог окончательно затих, превратившись в мирный, пахнущий малиной, десерт, сиротливо лежащий посреди заливной рыбы.

На веранде воцарилась гробовая тишина. Мэр, так и не успевший узнать, что староста в курсе про золотой унитаз, облегченно вытер пот со лба. Староста Михал Потапыч удивленно почесал затылок.

Но эпичнее всех выглядел инспектор Люций. Он замер с пером в руке, его уши налились таким пунцовым цветом, что могли бы служить габаритными огнями для ковра-самолёта. Он медленно перевёл взгляд на Степана, который как раз грациозно спикировал с метлы прямо на край стола.

Гусь медленно подошёл к притихшему пирогу, брезгливо ткнул его клювом, а затем повернул голову к Люцию. Его маленькие чёрные глазки-бусинки сузились.

– Га? – С глубоким подозрением спросил фамилляр. – «Одинокий селезень», значит? То-то я смотрю, мне вчера под дверь кто-то подбросил охапку отборного овса и записку: «Твой клюв прекрасен, как рассвет над Кривой речкой». Я-то думал, это утка с соседнего болота балуется, а это министерская канцелярия!

– Это... это неправда! Пирог бракованный! – Пискнул Люций, судорожно пытаясь спрятать свой блокнот в карман

мантии. – Магия честности дала сбой от высокой температуры! Это была метафора! Художественный вымысел!

Магда плавно приземлилась рядом на метле, соскочила на пол и, стараясь не рассмеяться в голос, посмотрела на часы. Ровно 09:45. Время для выпечки Анти-Пирога вышло, но, поскольку беглец был обезврежен механическим путём, график можно было считать условно соблюдённым.

– Ну что, Михал Потапыч, с юбилеем! – Весело провозгласила ведьма, галантно кланяясь имениннику. – Пирог от бабы Нюры проверен, обезврежен и готов к употреблению. Теперь он абсолютно безопасен для вашей политической карьеры. Кушайте на здоровье, только миндальные зубы выковыривайте, а то они жестковаты.

Мэр и староста, решив не искушать судьбу и не расспрашивать ведьму о деталях, дружно схватились за ножи. Пирог оказался невероятно вкусным – пресное тесто Магды лишь добавило малине пикантности.

Пока гости уплетали угощение, Магда и Степан тихонько пошли к выходу. Люций шёл следом, уныло понутив голову и стараясь не смотреть на гуся.

– Ладно тебе, Селезень, не горюй, – гакнул Степан, дружески шлёпнув инспектора крылом по бедру. – Стихи – это хорошо. В следующую пятницу приноси вторую порцию овса, я тебе, так и быть, разрешу написать оду моей левой перепонке. У меня там как раз в расписании будет окно для позирования.

Магда засмеялась, достала свой ежедневник и с чувством выполненного долга вычеркнула утреннюю суматоху.

На горизонте маячили выходные. А это значило, что целых два дня магия в Криволучье будет работать без ведьминского присмотра.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ...

ГЛАВА 6. КАК ПОЙМАТЬ СБЕЖАВШУЮ ИЗБУШКУ

Суббота. На часах ровно 10:00 утра.

По расписанию у Магды в ежедневнике красовалась жирная, обведённая цветочками надпись: «**ПОЛНЫЙ РЕЛАКС**». Ведьма сидела в уютном кресле-качалке прямо посреди гостиной, на лице у неё была омолаживающая маска из болотной тины и измельчённых хвостов тритонов, а на коленях лежал свежий приключенческий роман.

Степан рядышком принимал СПА-процедуры: насыпал себе в тазик элитного овса, того самого, от Одинокого селезня, и блаженно шевелил перепонками.

Тишина была такой абсолютной, что казалось, будто само время в Криволучье заснуло. Но ровно в 10:15 избушка вдруг странно вздрогнула.

Знаете этот звук, когда у старого дедовского трактора после зимней спячки наконец-то заводится мотор? Такой утробный, чихающий звук: «Кхм-кхм... Тр-р-р... БУМ!»

Пол под креслом Магды резко накренился вправо. Кружка с чаем соскочила со стола и полетела на пол.

– Га-а-а! Землетрясение! – Заорал Степан, вылетая из тазика и растеряв половину овса. – Комитет по тектоническим сдвигам атакует!

Магда подскочила, маска из тины со шлепаньем съехала ей на нос. Избушка снова вздрогнула, приподнялась примерно на метр над землёй, сделала неуверенный шаг вперёд, затем назад, а потом... резво набрала скорость и галопом понеслась в сторону леса.

Ведьма бросилась к окну. Пейзаж Криволучья стремительно проносился мимо. Кусты малины, огород бабы Нюры, будка старосты – всё это мелькало со скоростью хорошего пригородного поезда.

– Что происходит?! – Магда судорожно пыталась стереть тину с глаз. – Я же не включала режим миграции! Избушка должна стоять на фундаменте до две тысячи тридцатого года по контракту!

Степан подполз к плинтусу, принялся к старой дубовой половице и в ужасе забил крыльями:

– Га! Хозяйка, это Пашка! Помнишь, этот изобретатель недоделанный вчера приходил «посмотреть наши радиаторы отопления»? Так вот, этот гений инженерной мысли прикрутил к курьим ножкам нашей избушки... ускорители от сломанного ковра-самолёта! Те самые, на мухоморной тяге! Они за ночь настоялись, вошли в резонанс со старой древесиной, и у дома включился автопилот! Мы летим на полной скорости!

В этот момент избушка, лихо заложив вираж, перепрыгнула через забор соседа и понеслась прямо по центральной улице деревни, поднимая тучи пыли и пугая местных кур.

Навстречу этой безумной архитектурной конструкции, мирно попыхивая трубочкой, шёл инспектор Люций. Суббота же, проверок нет, можно расслабиться. Он как раз размышлял над новой рифмой к слову «гусь», как вдруг тень огромного двухэтажного дома на курьих ножках накрыла его полностью.

Люций поднял глаза, очки съехали на лоб. Прямо на него, загребая когтями дорожный щебень, на полной скорости неслась ведьминская избушка. Из окна второго этажа по пояс высовывалась Магда в зелёной маске и с криком:

– Люций, лови дом! Тормоза отказали!

Инспектор даже пикнуть не успел. Избушка деликатно, но уверенно подцепила Люция правым бревном крыльца за шиворот мантии, закинула его внутрь сеней и продолжила свой побег в сторону дремучего леса.

– Нарушение..., – прохрипел Люций, барахтаясь среди ведьминских веников в сенях. – Незаконная транспортировка инспекторов... в особо крупных размерах... без их согласия!..

– Люций, заткнись, у нас ЧП! – Рывкнула Магда, «выкатываясь» в сени. – Пашкин автопилот заклинило! Дом несётся прямо на Лысую гору, а там, между прочим, сегодня съезд диких кикимор! Если мы в них врежемся, нас проклянут до седьмого колена!

Избушка тем временем издала победный скрип и прыгнула через речку, едва не раздавив Водяного Афанасия, кото-

рый как раз вынырнул погреться на солнышке.

Мухоморные ускорители Пашки работали на совесть. Избушка летела через чащу, перепрыгивая через вековые поваленные сосны. Задний левый угол дома пару раз чувствительно зацепил берёзу Людмилочку, отчего та спросонья рывкнула басом: «**Ой, да не свисти, каза-а-ак...**», но изба уже была далеко.

Через пять минут бешеной скачки дом с треском выломал последние кусты и на полной скорости вылетел на вершину Лысой горы.

А там, как и предупреждала Магда, шёл ежегодный Съезд Диких Кикимор Криволучья. Представьте себе картину: около сотни дам в платьях из зелёной тины, с лягушками в волосах и бусами из болотной клюквы мирно пили чай из самовара и обсуждали новые сплетни.

И тут на поляну с грохотом влетает двухэтажная изба, заносит лапы на крутом повороте и выдаёт такой дрифт, что самовар кикимор улетает в кусты.

– Га-а-а! Полундра! – Заорал Степан, вцепившись когтями в подоконник. – Сейчас будет столкновение цивилизаций!

Магда зажмурилась, ожидая, что сейчас их засыплют столетними болотными проклятиями. Инспектор Люций в сенях судорожно перебирал статьи закона о нарушении общественного порядка в местах массового скопления нечисти.

Но у кикимор логика всегда была... своеобразной. Они по-

смотрели на мощные, мускулистые курьи ножки дома, которые грациозно перебирали брёвнами, на румяную серую крышу и на весёлые искры, летящие из трубы.

– О-о-о-о! Кавалер! – Восторженно взвизгнула Главная Кикимора, бросая свой букет из камышей. – Девочки, глядите, какой мужчина к нам на дискотеку пришёл! Делает кач!

Вместо того чтобы проклясть беглый дом, сотня кикимор с весёлым улюлюканьем, свистом и кваканьем бросилась на штурм недвижимости. Для них взбесившийся от мухоморов автопилот дома выглядел как идеальный ритмичный танец.

За долю секунды зелёная лавина вскарабкалась по брёвнам. Кикиморы оккупировали крыльцо, облепили водосточные трубы, а самые активные забрались на крышу и начали яростно топтать лапками, устраивая дикий болотный рейв под аккомпанемент квакающих лягушек.

ТУЦ-ТУЦ-КВА-КВА! ТУЦ-ТУЦ-КВА-КВА! – заходился дом в безумном ритме.

От этого коллективного веса и плясок автопилот Пашки окончательно сошёл с ума. Избушка, поддавшись общему веселью, начала не просто бежать, а прыгать, притопывать правой лапой и кружиться на месте, как пьяный балерун.

– Люций! Степан! Нас сейчас ушатают! – кричала Магда, у которой в гостиной люстра ходила ходуном, а шкаф с зельями грозился рухнуть на кресло. – Они из моего дома делают танцплощадку!

Люций выполз из сеней, держась за стену. На его голове

красовалась чья-то утерянная кикиморская буса из клюквы.

– Согласно параграфу... три..., – икнул инспектор. – Эксплуатация жилых помещений в качестве ночного клуба без лицензии Министерства Развлечений карается... А-а-а-а!

Дом сделал очередной прыжок, и Люция подбросило до самого потолка.

– Га! Хватит цитировать кодекс! – Гаркнул Степан, балансируя на одной лапе. – Хозяйка, мухоморный заряд в ножках кончится только через три часа! К тому времени от нашей избушки останутся только щепки и воспоминания! Надо экстренно менять музыкальный репертуар! Если мы перебьём их болотный ритм чем-то несовместимым с танцами, они сами разбегутся!

На часах было 10:45 утра, когда избушка заложила двадцатый вираж вокруг вековых дубов. Крыша дома ходила ходуном от синхронных прыжков сотни кикимор. Лягушачий хор орал так, что сосны гнулись.

– Срочно! Тащи инструмент из погреба! – Скомандовала Магда, пытаясь удержаться на ногах, пока гостиная наклонялась под углом в сорок пять градусов.

Степан кубарем скатился в подпол и через минуту вынырнул оттуда, волоча в клюве за ремешок пыльную, покрытую паутиной гармошку. Это была легендарная «Тоска-2000» – самогудка, которую дед Магды использовал, когда нужно было разогнать слишком весёлых гостей после трёх дней свадьбы.

– Заводи её, хозяйка! – Проорал гусь, отплеываясь от паутин. – Крути правый валик на три оборота против часовой стрелки!

Магда перехватила гармошку, крутанула валик и со всей силы растянула мехи прямо в открытое окно, выходящее на крыльцо.

Вместо бодрого «туц-туц» из недр гармошки раздался такой пронзительный, заунывный, леденящий душу скрип, от которого у инспектора Люция моментально завяли уши, а клюква на его голове сморщилась. Гармошка-самогудка заиграла «Похоронный марш одинокого тритона» в замедленном темпе.

Звуковая волна уныния ударила по крыше дома.

Кикиморы, которые как раз заходили на очередной круг брейк-данса, замерли с поднятыми лапками. Ритмичный «кач» избушки начал стремительно затухать.

– Эй... а чё с битом-то стало? – Недовольно прикрикнула Главная Кикимора, пытаясь притопнуть под унылый скрип мехов. – Под это же невозможно флексить! У меня от этой музыки лапки сводит!

– У-у-у-у-у... – Затянула гармошка, выдавая аккорд такой глубокой экзистенциальной тоски, что даже мухоморные ускорители Пашки в курьих ножках дома начали терять обороты. Курьи лапы избушки обмякли, дом устало опустился на брюхо прямо посреди поляны и пустил из трубы грустный серый дымок.

Кикиморы не выдержали такой жёсткой смены формата. Куда девался весь их субботний задор!

– Тьфу на вас! – В слезах воскликнула Главная Кикимора, спрыгивая с крыши в черничник. – Испортили такую диско-теку! Пошли отсюда, девочки, этот дом какой-то душный, у него музыка отстойная!

Вся зелёная лавина с обиженным кваканьем и шлёпаньем припустила обратно в своё болото, бросая на ходу испорченные бусы. Через минуту на Лысой горе воцарилась звенящая, благословенная тишина субботнего утра.

Магда обессилена захлопнула гармошку и рухнула в своё кресло-качалку. Маска из болотной тины на её лице окончательно высохла и потрескалась, сделав ведьму похожей на статую античного бога гнева.

Люций аккуратно выполз из сеней, бережно поправляя очки.

– Ну что..., – прохрипел он, сверяясь со своими часами. – Время **11:15**. Магический автопилот заглох. Нарушители порядка рассеяны. Госпожа Маргарита, я... я не буду штрафовать Пашку. Но с одним условием.

– Каким? – Зевнула Магда, смывая остатки маски из чашки с остывшим чаем.

– Передайте этому юному инженеру, что если он ещё раз решит прокачать вашу избушку, пусть ставит глушитель на трубы. А то у меня от этого лесного рэпа до сих пор в ушах квакает.

– Га! Договорились, Селезень! – Победно крикнул Степан, доедая свой законный овёс прямо с пола. – В следующий раз Пашка прикрутит к дому крылья, и мы полетим с проверкой прямо в столицу!

Люций от этой перспективы побледнел, поспешно попрощался и пошагал пешком вниз по горе, на ходу выковыривая из карманов мантии болотную клюкву.

Магда устало улыбнулась, достала свой ежедневник и с наслаждением зачеркнула строчку **«ПОЛНЫЙ РЕЛАКС»**, написав поверх неё: **«Суббота удалась. Избушка на месте. Гусь сыт»**

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.